

ВВЕДЕНИЕ

В зарубежной англоязычной социологической и психологической литературе употребляется несколько терминов, относящихся к насилию в семье. Помимо *domestic violence*, подразумевающего насилие, совершенное членами семьи по отношению к другим членам семьи - детям, супруге/супругу, родителям, другим родственникам, – употребляются также специальные термины, относящиеся только к супружеским отношениям: *spouse abuse* (злоупотребления в отношении супруги/а), *wife battering* (избиения жены), *marital rape* (изнасилование в браке). Сама разработанность категориального аппарата в отношении насилия свидетельствует о большом внимании к данной теме. При этом некоторые исследователи видят в отсутствии соответствующей терминологии проблему для изучения явления насилия в России (Walker, 27). По-видимому, это так и есть, поскольку, например, самый распространенный термин в российской специальной литературе – *супружеское насилие* – в равной степени может подразумевать как насилие мужа над женой, так и насилие жены над мужем.

Большая часть работ зарубежных исследователей проблемы супружеского насилия посвящена исследованию источников насилия и его происхождению.

В числе авторов, исследующих исторические причины домашнего насилия и рассматривающих насилие как пережиток прошлого, когда муж имел закрепленное не только традицией, но и законом право наказывать и дисциплинировать жену. В частности, они ссылаются на законодательство, действовавшее на протяжении XIX века, в соответствии с которым муж мог дисциплинировать жену, но палка, которой наносился удар, не должна была быть толще большого пальца (Gondolf, Fisher, 274). В США по закону 1824 года мужья официально освобождались от ответственности при умеренном физическом наказании жены в случаях "крайней необходимости". Российские исследователи проблемы часто упоминают Домострой – свод законов, которые в числе прочих, регулировали и семейные отношения на Руси. В Домострое целый раздел посвящен тому, каким именно способом нужно "правильно" наказывать провинившуюся жену, обстоятельно при этом описывая практические детали этого мужского занятия "соимя рубашка, плеткою вежливенько побить, за руки держа".

Виктимологический подход исходит из того, что женщина своим поведением жертвы провоцирует насилие. Частично он представлен в работах немецкой исследовательницы Шнайдер (Schneider), где утверждается связь между действиями жертвы и насильника. Она выделяет три фазы насилия, в первой из которых происходит попытка усиления контроля за насильником со стороны потенциальной жертвы, во второй осуществляется насилие, а третья обнаруживает зависимость жертвы от насильника, что фактически избавляет его от наказания и приводит к повторению цикла.

Теория социального научения подчеркивает роль ближайшего окружения, которое стимулирует развитие в мужчине личности, склонной к насилию. Эта теория получила развитие в работах Кауфмана. Исследуя происхождение насилия в современном обществе, М. Кауфман выступает против радикальной феминистской теории, выдвинутой в 70-е годы прошлого столетия С.Браумиллер, которая сводила происхождение насилия преимущественно к особенностям мужской психологии. Кауфман считает, что нет никаких причин утверждать, что человеческое существо в целом (независимо от пола) не может быть агрессивным. Главное, к чему он стремится привлечь внимание - это то, что общество делает с этой

агрессией (Kaufman, p.30). По его мнению, мужское насилие начинается с насилия по отношению к себе (запрещение мальчикам проявлять свои чувства), затем переходит на уровень отношений к женщине (так называемая подростковая агрессивность), а потом начинает угрожать обществу в целом. Насилие при этом является компенсацией чувства безвластия и беспомощности, испытываемого мужчиной на работе или в обществе, а также стремлением подчинить женщину своей власти способом контроля.

В центре интерактивной теории проблема властных отношений и насилия как разновидности коммуникации. М. Киммель, сочетая данный подход с теорией социального научения, считает насилие мужчин в отношении женщин результатом социализации - с детства мужчины понимают, что это приемлемая форма коммуникации (Kimmel, p.254) Насилие может быть частным, личным и интимным языком коммуникации. Проявление насилия как мужчинами, так и женщинами в семье Киммель связывает также с дисбалансом власти: случаи, когда большинство решений принимаются одним из супругов, коррелируют с наиболее высоким уровнем насилия в семье. Отмечает Киммель и различия в использовании насилия мужчинами и женщинами: в то время как мужчины применяют насилие для воздействия на жен, стремясь добиться послушания, для женщин, прибегающих к насилию, это в основном акт выражения фрустрации или острого моментального гнева.

К этим наблюдениям можно добавить результаты исследования Дж.Готтман и Н.Якобсон, которые в течение 8 лет наблюдали за 63 супружескими парами, имеющими проблемы с насилием (обзор дан в статье М.Пискаловой и А.Синельникова). Они выделили общие принципы семейной динамики: все обидчики были неуправляемы и непредсказуемы, пострадавшие часто были далеки от пассивности, чувствовали злобу, но не являлись субъектами насильственных действий. Отмечена значительная роль эмоциональных оскорблений со стороны обидчиков, что подрывает уверенность жертв в самих себе.

Некоторые исследователи применяют теорию конфликтов, согласно которой насилие – одно из финальных звеньев в цепи разногласий, столкновения интересов. Структура ряда причин, обуславливающих уровень насилия в конфликтах, описанная Л.Козером (Coser) используются при объяснении проявления насилия в семье. Мета-исследование подходов к насилию было предпринято в работе Леонарда Берковица "Агрессия: причины, последствия и контроль". Он обращает внимание как на социальные и культурные корни насилия в семье, так и на характер семейных отношений и общее ситуативное сходство агрессивного поведения в семье с другими типами агрессивного поведения. Кроме того, Л.Берковиц подчеркивает взаимозависимость жертвы и обидчика, присоединяясь таким образом к виктимологическому подходу – "грубость порождает еще большую грубость, а агрессивные действия одной стороны вызывают ответную агрессию другой" (Берковиц, с.319).

Структурная теория выделяет роль патриархата, неизбежно ставящего любого мужчину в положение потенциального насильника. Преимущественно этот подход присутствует в работах Хирна и Шеллер. Дж.Хирн выделяет связь мужчины с властью и контролем, пишет о мужской культуре насилия. Он указывает, что мужчин больше, чем женщин, среди заключенных и совершающих другие преступления, и связывает мужскую склонность к насилию с проблемой патриархата (Hearn, 42). Маргарет Шеллер (Sheller, p. 25-27) трактует насилие в отношении женщин как исходящее из ее природы - она родилась женщиной и, находясь в определенных отношениях с мужчиной, она приобретает

ет особый, более низкий по сравнению с мужчиной социальный статус. Все эти факторы делают женщину уязвимой для насилия в семье.

Различные аспекты связи между патриархатным устройством общества и супружеским насилием выделяются и в коллективном российско-американском исследовании, результаты которого представлены в монографии "Окно в русскую частную жизнь". Ссылаясь на исследования Добаша, Курца, Левинсона, Хоффмана, Геллиса и других, авторы монографии отмечают, что главной причиной насилия является гендерное неравенство – ситуация, когда мужчины контролируют материальные ресурсы и принятие решений на уровне семьи, а женщины не имеют таких прав. При общих условиях патриархата насилие со стороны мужчины оказывается наиболее вероятным тогда, когда ресурсы мужа являются более низкими по сравнению с ресурсами жены. В этом случае он, считаясь с господствующей идеологией, настаивающей на обязательности мужского контроля над ресурсами, прибегает к компенсации своей маскулинности через насилие (Римашевская, Малышева, Ванной и др., с.191). Согласно этой теории насилие является способом дать выход гневу по поводу кризиса своей гендерной идентичности.

Обилие подходов к осмыслению источников жесткого обращения в семье позволяет предложить, что эти подходы, взаимодополняя друг друга, отражают насильственные аспекты в различных моделях и/или различных этапах развития семейных отношений. В частности, ситуационный подход к проблеме домашнего насилия представлен в работе петербургского психолога Натальи Ходыревой. В соответствии с этим подходом ситуативное распределение власти между обидчиком и жертвой (например, наличие маленького ребенка, требующего ухода, отсутствие жилья или средств к существованию и т.д.) может привести к насилию в семье (Ходырева, с.185).

Поскольку социологические исследования супружеского насилия проводятся в основном в рамках гендерной социологии и позиционируются именно как гендерные исследования, основным подходом к настоящему времени стало рассмотрение супружеского насилия как следствие и проявление мужского доминирования в обществе и семье. Это позволяет включать рассмотрение супружеского насилия в более широкий контекст – исторического, философского и культурологического осмысления соотношения власти и насилия.

Так как мы опираемся на феминистское представление о сущности супружеского насилия, нам представляется важным четко разграничить супружеское и все остальные виды семейного насилия, такие, как, например, насилие над детьми или престарелыми. Как показал наш опыт обсуждений и дискуссий на эту тему, в противном случае (когда упор делается на "всесторонний" и "объективный" подход к "сложной и неоднозначной" проблеме домашнего насилия вообще) проблема насилия мужей над женами размывается и даже как бы перестает существовать ("Действительно, мужья бьют жен, но нельзя забывать и о том, что женщины бьют детей"). Нам представляется, что, по крайней мере, на нынешней стадии исследования проблемы, имеет смысл определенно разделять разные виды насилия в семье.

При этом мы считаем правильным не только выделять супружеское насилие из всего комплекса домашнего насилия, но и ни в коем случае не смешивать между собой два разнонаправленных вида супружеского насилия – насилие мужей над женами и насилие жен над мужьями. В противном случае каждая из этих проблем опять-таки размывается, и дискуссия идет по кругу: "Да, мужья бьют жен, но зато жены

психологически больше давят на мужей"; "Психологическое насилие над женами очень часто встречается в российских семьях, и к тому же еще мужья и избивают жен", "Женщины тоже бьют мужей" и т. д. и т.п. В результате насилие с обеих сторон получает оправдание, а рассуждения становятся бесплодными. Очевидно, что обсуждение проблемы домашнего насилия в целом возможно только на более высоком уровне теоретических обобщений, когда речь идет, например, о сущности и природе насилия как такового.

Основным подходом к общероссийскому исследованию, проведенному авторами в 2002-2003 годах, стало рассмотрение супружеского насилия как следствия и проявления мужского доминирования в обществе и семье. Помимо этого общего подхода использовались и более частные объяснительные концепции (теории ресурсов, экономической и социальной зависимости, стрессов, нарушенной коммуникации, конфликтов, психотравм детства и пр.). Но, с нашей точки зрения (подтвержденной данными, полученными в результате исследования) именно гендерное неравенство является одним из ключевых пунктов объяснения природы насилия над женами.

Супружеское насилие обычно подразделяют на четыре основных вида: психологическое (моральное, эмоциональное); экономическое; физическое и сексуальное. Иногда в отдельные виды насилия выделяют различного рода угрозы, но чаще их считают проявлением одного из перечисленных четырех основных видов. Например, угрозы применить физическую силу рассматриваются как одно из проявлений физического насилия.

Конкретные социологические подходы к выявлению уровня и изучению различных характеристик супружеского насилия можно признать достаточно отработанными. Как правило, выделяется набор признаков, позволяющих судить о том, что в семье респондента имеет место тот или иной вид супружеского насилия. Например, для того, чтобы узнать, сколько женщин подвергалось физическому насилию, задаются вопросы, направленные на то, чтобы выяснить, был ли случай, чтобы муж ударил или избил жену, толкал ли он ее, бросал ли в нее какие-либо предметы и так далее. Это позволяет получить объективные, хотя бы в пределах степени откровенности респондентов, показатели уровня существующего насилия. Благодаря деятельности общественных организаций по борьбе и предотвращению насилия в семье, существуют подробные описания проявлений различных видов насилия, что облегчает социологическую работу по операционализации понятий. В данном отчете к каждому разделу, посвященному одному из видов насилия, прилагается набор признаков, по которым делался вывод о том, что в семье респондента имеет место данный вид насилия.

Учитывая высокую латентность насилия в семье, мы использовали методики сбора и анализа данных, которые обычно применяются при изучении девиантного поведения и в качественных исследованиях (высокая доля зондирующих вопросов, асимметрия шкал в сторону "да"—ответов, оценки искренности, дополнительный анализ уходов от прямых ответов, уточнение первоначальных данных и пр.).

Практически общепринятым является то, что уровень и масштабы супружеского насилия определяются, в первую очередь, по женским ответам. Это связано, главным образом, с тем, что показания страдающей стороны представляются более достоверными, в отличие от объяснений субъекта насилия (Ptacek). При интерпретации данных нашего исследования, авторы опирались на эту точку зрения.